

Ю. Е. Ивонин

Смоленский государственный университет, профессор

ГЕРМАНСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ МИФЫ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Национальные мифы живучи в сознании многих народов и этнических общностей нашего времени, несмотря на нередко полное их несоответствие исторической истине. Но, внедрившись в массовое сознание благодаря «национально» ориентированному изложению родной истории в учебниках для средней школы и средствам массовой информации, они продолжают жить в памяти многих поколений. В своем выступлении я хотел бы рассмотреть основные моменты процесса складывания в раннее Новое время наиболее распространенных национальных мифов Германии, сыгравших главную роль в формировании германского национализма. После окончания Второй мировой войны одной из наиболее важных задач преодоления сформировавшегося в течение почти полутора столетий мифологического сознания стала критика германских исторических мифов и изучение их становления с научных позиций. Сформировавшиеся стереотипы о Германии и немцах во многом ранее способствовали великодержавию, ксенофобии, реваншизму и, как следствие, военной агрессии. Между тем «национализм – это тот фундамент, на котором зиждется современный мир», полагает американский социолог Л.Гринфельд. Причем развитие национального сознания в Германии произошло чрезвычайно быстро, буквально с 1806 г. после поражения Пруссии от Наполеона к 1815 г., но было оно подготовлено в течение долгого времени не, как у других народов, аристократией и правящей элитой, а образованными представителями недворянского сословия, людьми интеллектуального труда.

Безусловно, важно обратить внимание на причины создания и популяризации мифов о наследовании германцами Римской империи и империи Карла Великого (*Translatio imperii*), мифа о «Германии» Тацита, мифа о Лютере как создателе германского национального духа, мифа о Фридрихе Великом и Гогенцоллернах, мифов 1871 г. о Пруссии как спасительнице немецкого народа и германского национального государства. Речь идет о том, что на протяжении нескольких веков в кругах гуманистов и интеллектуалов, не принадлежавших к дворянству и оттесненных им от политической активности, сформировались основные исторические мифы в Германии, которые до начала XIX в. оставались в качестве арсенала будущей националистической идеологии, пущенной в ход во время наполеоновских войн и объединения Германии, а затем во времена кайзеровской Германии и особенно Третьего Рейха.

В последние десятилетия XX в. представления о «естественности» наций и этнических сообществ были подвергнуты серьезным сомнениям и сильно поколеблены теми историками и социологами, которых теперь принято называть

модернистами и конструкционистами (Э.Геллнер, Б.Андерсон, Э.Хобсбаум, М.Грох), обосновавшими положение о том, что нации являются продуктом национализма и националистической политики государств. Очевидно, что необходимо учитывать инструментализм германского национализма и его конструктивизм в смысле концепта нации как социально-политического и культурного конструкта. Важно отметить, что споры об «особом» пути государственно-политического развития Германии и «запоздалой нации», отстававшей от Западной Европы (Англии, Франции) в смысле создания «нации-государства» и поэтому должной их превзойти, приобретают дополнительное звучание, поскольку речь идет о преобладании консервативных или либеральных тенденций в исследовании вопроса о формировании немецкой нации и роли в этом процессе национальных мифов. Поэтому можно вполне определенно говорить о том, что германский национализм в виде мифов возник раньше как культурная матрица, чем сама германская нация.

Последствия поражения Германии во Второй мировой войне привели к переосмыслению и переоценке господствовавших в немецкой историографии второй половины XIX-первой половины XX вв. постулатов малогерманской (боруссианистской) историографии, негативно оценивавших Священную Римскую империю как препятствие на пути создания германского национального государства в форме нации-государства и апологетизировавших роль Пруссии как спасителя немецкого народа и объединителя Германии. «Национальный» блеск Священной Римской империи «германской нации» изрядно потускнел и было выяснено, что национальное находилось в рудиментарном состоянии.

Для большинства современных немецких и австрийских историков, особенно католически ориентированных, Старая империя представляет собой образец федералистской государственности с политическим, культурным и религиозным разнообразием в отличие от национально ориентированной парадигмы германского государства и германского национализма. К.П.Хартманн предлагает характеризовать Священную Римскую империю с 1648 г. Средней Европой регионов (*Mittleuropa der Regionen*), для которой были свойственны конфессиональное, этническое и языковое разнообразие и связанные с этим культурный расцвет и культурные различия территорий. Вообще, замечает К.Малеттке, констатация того, что Империя не имела четко обозначенных границ, это анахронизм, исходящий из модели территориального суверенитета государства нового времени и не учитывающий специфических структур политической организации Империи, тем более что ее властные структуры не были гомогенными.

Вполне ли оправданно достаточно резкое суждение Самуэля фон Пуфендорфа, высказанное им в опубликованном в 1667 г. трактате «О конституции Римско-Германской империи» об Империи как о „*irregulare aliquod corpus et monstro simile*“, т.е. как о подобии монстра? Но нужно учесть, что в это время Империя еще не ожила после кризиса Тридцатилетней войны, однако, с другой стороны, сохранила иерархическую структуру и не превратилась в конфедерацию независимых государств. Ее можно было бы назвать объединенными штатами Германии или сравнить с Европейским Союзом наших дней, хотя оба эти сравнения не совсем адекватны. Государственность раннего Нового времени развивалась в Империи на уровне территориальных государств, не только Австрии и Пруссии, но и Баварии и

т.д. под общей крышей Империи. Тем более что с конца XVI в. в работах немецких профессоров права начинают теоретически обосновываться принципы федеративного устройства Империи, особенно в XVIII в. в трудах Иоганна Якоба Мозера.

Необходимо подчеркнуть также, что опора на гуманистов в оценке «немецкости» истории Священной Римской империи в раннее Новое время оказывается довольно шаткой, поскольку, как подчеркивает Р.Бабель, он во многом отмечен знаком антагонизма между Францией и Габсбургами. На рубеже XV-XVI вв. в трудах немецких гуманистов на примере Франции создается конструкция коллективной памяти нации на основе ее происхождения с исходным пунктом в виде «Германии» Тацита и идеи восходящей к древним германцам общей этнической, языковой и культурно-цивилизационной принадлежности. В.Демель показывает, что национализм, появившийся в результате Французской революции, преодолевал „Landespatritismus“ и космополитизм эпохи Просвещения, являвшийся зародышем «европеизма». На мой взгляд, прав Х.Шиллинг, считающий Старую империю скорее частично модернизированной имперской системой, имперским союзом территориальных государств, т.е. федерацией или конфедерацией с избираемым императором. Поэтому говорить об имперском государстве и германской культурной нации как ее основе в духе Ф.Мейнеке или Г.Шмидта будет не совсем корректно.

Публикация Г.Шмидтом ряда статей и в 1999 г. книги «История Старой империи. Государство и нация 1495–1806 гг.» вызвала не прекратившуюся до сих пор дискуссию, в ходе которой многие немецкие историки достаточно серьезно критиковали основные положения его концепции. Шмидт, развивая некоторые положения одного из крупнейших германских историков прошлого века Ф.Мейнеке, отмечает, что Империя была идеей, иерархической структурой и государственно-политической программой, в которой сочетались и противоречили друг другу римская традиция и немецкая реальность. Многие немецкие историки упрекнули его в преувеличении степени национального самосознания в Германии раннего Нового времени и тенденции к восстановлению некоторых постулатов малогерманской национально-государственной историографии.

Разумеется, и Германия, и германский национализм имели глубокие исторические и культурные корни, но до эпохи модернизации, согласно ставшим уже достаточно распространенным взглядам, германского национализма не было. Я более склонен к точке зрения «модернистов» и «конструкционистов», подчеркивающих ведущую роль государства Нового времени в возникновении национализма девятнадцатого и двадцатого столетий. Как замечают Д.Лангевише и О.Данн, рождение германского национального государства в результате политики и войн эпохи Бисмарка и возникшего на этой почве мифа о единстве германской нации и германского государства отодвинули в конце XIX в. воспоминания о федеративных корнях немецкой нации. В концепции федерализма кайзеровского государства, политике, обществе, культуре существовало представление об имперской нации, тогда как прошлое существование многих государств под крышей Священной Римской империи создало федеративный национализм. Историк права М.Штолляйс отмечает, что имперский патриотизм конца XVIII в. существенно отличался от

энтузиазма гуманистов начала XVI в. и патриотизма времен Тридцатилетней войны и войн эпохи Людовика XIV.

О.Данн и М.Грох акцентируют внимание прежде всего на том, что Священная Римская империя не была государством Нового времени. Как сама Старая империя не могла быть модернизирована в духе национального государства, так и Пруссия и Австрия не могли стать в конце ее существования основой для формирования национального государства по западной модели. Мало того, национальная идентичность в Старой империи вплоть до начала XIX в. существовала преимущественно в кругах ренессансной и просвещенческой интеллигенции, тогда как для основной массы населения были характерны конфессиональная и территориальная самоидентификации.

Французская революция и наполеоновские войны привели к концу Священной Римской империи. Говорить о том, что роспуск Империи прошел при полном равнодушии ее жителей, как это делалось в боруллианистской историографии, показывают современные исследования (В.Бургдорф) и др.), было бы неправомерно. Но можно ли здесь говорить о национальном патриотизме и сочетании национального и универсального в концепции Священной Римской империи? Вернее всего следует говорить о соотношении и сочетании универсального и территориального. Но созданные в течение нескольких столетий до роспуска Священной Римской империи национальные мифы в лихую годину наполеоновских войн стали идейной основой для стремительного роста немецкого национализма. Затем появились и мифы 1871 г. о великой роли Пруссии и т.д. Машина национального мифотворчества была запущена на полные обороты.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в современной Германии очень большое внимание уделяется критике национализма и воспитания новых поколений в духе покаяния за преступления национал-социализма. Но национальные мифы прежних времен могут сменяться мифами из новейшей истории. Об этом никогда не следует забывать!